

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Олег МАРКЕЛОВ,
Александр МАТЮШКИН

КРОВЬ ЭПАМА. РОЖДЕНИЕ ГЕРОЕВ

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М25

Серия основана в 2004 году
Выпуск 401

Художник
И. Воронин

Маркелов О. В., Матюшкин А. В.

М25 Кровь Эпама. Рождение героев: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 440 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1111-5

Они стали товарищами, вынужденные искать спасение в бегстве. Но у каждого есть свои тайны и стремления. Сражаясь с порождениями Мрака и распутывая зловещие заговоры, они обретают новых друзей и новых врагов. Они видят, как древние легенды оживают: некоторые, чтобы вселить в сердца страх, а некоторые, чтобы подарить надежду. Не ведая того, они вершат судьбу мира, навсегда изменяя свою жизнь и жизнь многих людей. А Судьба уже бросила за них жребий — стать героями.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1111-5
© Маркелов О. В., Матюшкин А. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕЛЮДИЯ

Длинную вереницу однообразных дней, складывающихся в долгие месяцы, жила она в этом богами забытом городке, примостившемся на самом краю королевства. А в начале последнего цикла Горра она и вовсе осталась одна в мрачно-ватом громоздком доме.

Дядя уехал в Сэмтанг договариваться о новых поставках, и до сих пор от него не было ни одной весточки. Из родного города тоже не приходило никаких известий. Это всеобщее молчание пугало девушку точно так же, как пугала тревожная пустота вечернего дома.

Несколько дней назад Кассандре начало казаться, что за ней кто-то следит. То шорохи шагов за спиной, то мелькавший во тьме придорожных зарослей силуэт: ее испуганное воображение услужливо рисовало страшного высокого человека в длинном плаще цвета сумерек. Впрочем, явно она никого не успевала увидеть.

В самый первый день, когда Кассандра заметила пугающую фигуру, растаявшую в вечерней мгле среди деревьев, девушка не придала увиденному никакого значения. Но на следующий день он показался вновь.

И вот уже не прохладой сквозняка, а ледяными костлявыми пальцами сжал сердце необъяснимый ужас, когда темная размытая фигура появилась возле окна гостиной.

— Кто ты? — спросила Кассандра хриплым от испуга голосом, невольно пятясь от окна на пару шагов назад.

Мокрые хлопья снега залетали в открытое окно и, отяжелевшие еще больше от домашнего тепла, сырыми темнеющими отметинами покрывали полированные доски пола. В комнате, несмотря на пылающий камин, стало холодно. Между

Кассандрой и окном стоял стол, но девушка не надеялась, что такая простая преграда сможет послужить защитой. Размытая тень шевельнулась и, словно кто-то разом высушил запотевшее стекло, обернулась худощавой невысокой фигурой, облаченной в серо-серебристый плащ.

— Гость, — ответил он, обходя стол и медленно приближаясь к ней.

— Гость? — переспросила девушка.

Кассандра попыталась отступить к пламени камина, но тело перестало ее слушаться, будто заledenев в мгновение ока. Даже тепла жарко пылающего камина она больше не чувствовала. Только всепоглощающий страх, словивший волю, парализовавший тело и разум.

Алые блики огня отразились в его глазах, словно сами зрачки открыли путь в огненную бездну. Влетевший в распахнутое окно порыв холодного ветра толкнул тяжелые шторы. Створка окна глухо хлопнула, отгораживая комнату от внешнего мира, и даже огонь в чреве камина вспыхнул еще ярче. Гость на неуловимое мгновение исчез, но тотчас же вновь появился уже возле самой девушки. Кассандра не могла ни закричать, ни пошевелиться от страха, сковавшего своей шелковой паутиной ее сознание.

Его длинные до плеч волосы едва заметно мерцали лунным светом, будто отражая сияние двух лун — братьев Горра, восходящего, как правило, ночью, и Торра, следующего за Оком Увара за горизонт. Это мерцание казалось сейчас еще более призрачным, чем отсветы лун на тяжелой ткани штор. Лишь глаза все так же кровавым пламенем светились во мраке комнаты.

Теперь он стоял настолько близко от Кассандры, что, едва наклонив голову, смог коснуться легким поцелуем ее нежного виска с завитком темных волос. Кассандра смогла лишь вздрогнуть и хрипло вдохнуть, когда ледяные губы коснулись ее кожи. Незнакомец улыбнулся, обнажив ровные белоснежные зубы, втянул носом ее запах, наслаждаясь коктейлем из молодости, жизни и страха. Наклонившись сильнее, он, также едва прикоснувшись, поцеловал девушку в скулу, после в плечо. Он двигался плавно и мягко, словно скользящее по коже птичье перо.

Ощущение липкого нечеловеческого страха исчезло.

Сменяя его, по всему телу разлилось новое, почти столь же острое ощущение — затопляющего разум блаженства. Кассандра застонала с почти слышимым сладострастием. Гость без видимого напряжения подхватил безвольно осевшую девушку на руки и одним сильным движением положил на стол, словно она весила не больше накидки из невесомой ткани. Склонившись, он не прикасался руками к ее телу, но неудержимое ощущение близости и желания заставили Кассандру выгнуться навстречу, откидывая голову и покрывая весь стол разметавшейся гривой непокорных волос.

Пламя камина притухло, погрузив комнату в полумрак.

«Как хорошо!» — раскаленной жилкой пульсировала в ее сознании единственная зациклившаяся в бесконечности блаженства мысль, когда он наконец коснулся губами ее беззащитно открытой шеи. Никто и никогда до этого момента не дарил ей такого яркого наслаждения. Короткая боль принесла новую волну нестерпимой блаженной истомы, наполнившей все ее существо без остатка. Опустошенная и умиротворенная, Кассандра позволила себе утонуть в последовавшей за фейерверком чувств приятной слабости.

Поцелуй в шею показался навязчиво неприятным. Она не хотела больше ничего, но чужое присутствие не позволяло вновь нырнуть в расслабленную, обволакивающую негой бесконечность.

«Кто он? Я не хочу... Что-то не так...» — Осколки мыслей лезвиями кинжалов вспороли шелк удовольствия. Она попыталась отстраниться, чтобы увидеть лицо незваного гостя, но не смогла — тот крепко держал ее за плечи.

Насытившись, гость отстранился от своей жертвы. Девушка с видимым трудом подняла руку и дотронулась до шеи в том месте, где ощущала тягучую тупую боль. Холодные от слабости пальцы нащупали что-то теплое и липкое. Кассандра поднесла пальцы к глазам, пытаясь рассмотреть то, что их окрасило в такой глубокий темный цвет, но так и не смогла: было слишком темно. Мысли двигались неторопливо, и время для девушки словно замедлило свой бег, оплакивая ее участь.

Рука бессильно упала, слишком тяжелая для того, чтобы держать ее долго. Кассандра попыталась подняться, но и это не вышло.

— Кто же ты? — зашептала она, пытаясь рассмотреть гостя и одновременно прислушиваясь к происходящему внутри нее.

Девушка не видела незнакомца, но явно ощущала его присутствие, ощущала намного яснее, чем тогда, когда стояла на ногах и казалась себе полной сил.

— Твоя смерть близка, — услышала она приятный, но несколько шипящий голос. — Ты умрешь задолго до пробуждения Ока Увара.

Человек в длинном плаще вернулся к окну, но за шаг до подоконника остановился и обернулся к лежащей на столе жертве. Теперь его глаза больше не горели кровавым пламенем, зато по бледному лицу разлился румянец.

— Пусть дух твой познает радость покоя... — словно насмехаясь, произнес он, картинно воздев над нею раскрытую ладонь.

Глаза девушки закрылись, дыхание стихло вовсе, ни одно движение не нарушало ее спокойной красоты.

Он вновь повернулся к окну. Взгляд его растерянно блуждал по небу, затянутому подсвеченными лунами рваными облаками, по городу, укрытому мокрым липким снегом. Камин в комнате погас, оставив свое соперничество с серебристым светом лун, пробивающимся сквозь прорехи среди облаков. Снег больше не падал, но, покрыв тонким одеялом ночной город, тоже добавлял света преобразившейся ночи. Струйки дыма из труб домов тянулись к посветлевшему небу, иногда развеваемые редкими порывами ветра.

В некоторых домах еще горел свет. Из-за угла дома на широкой улице, которая лучше всего была видна из окна, показалась темная фигура человека. Он шел неровными шагами, кутаясь в изодранный плащ и пошатываясь — может, от усталости, а может, и от спиртного. Гость не любил пьяных. Их кровь была горькой пародией на настоящую.

Рассвет еще не скоро, но теперь незнакомец не торопился. Он больше всего любил это состояние, когда ощущения мира обострены до предела, но нет мучительной жажды, сворачивающей в спираль все внутренности.

Девушка попыталась вздохнуть, но поняла, что не в силах сделать даже это. Мир перед глазами начал темнеть, и она заскользила в бездонную черную пропасть смерти.

Но вместе с ощущением падения что-то зашевелилось внутри Кассандры. Что-то полное сил и эмоций. Что-то древнее и прекрасное.

Сердце вновь начало свой ход, ускоряясь вместе с ощущением времени. Оно погнало остатки крови по венам, и пульс набатом застучал в висках. Кровь, что осталась, вскипела, и боль захлестнула Кассандру. Мгновения боли возродили ее: мышцы, казалось, вот-вот разорвутся, а кости просто лопнут, не выдержав нагрузки. В следующий миг вены взорвались потоками крови.

Выжигающая сознание вспышка ослепила, но тело было где-то вне бушующего пламени Бездны. Кассандра видела бескрайнюю вселенную, неистово опаляющую саму душу, вскипающую потоками бурлящей, словно расплавленная лава, крови. Боль перемешивалась с радостным криком освобождения от уз. Кассандра ощущала силу — не ту, что покидала тщедушное тело вместе с выпитой незванным гостем кровью, а настоящую силу, готовую перевернуть весь мир. Смерть и жизнь закрутились в пестром калейдоскопе, перемешиваясь, открывая путь к новому пониманию себя.

Боль схлынула так же внезапно, как и накатила. Остатки крови вырвались на свободу, и это словно раскрепостило Кассандру. Единственное желание обжигало ее: «Убить!»

Кассандра открыла глаза и медленно повернула голову к стоящему у окна гостю. Она не издала ни звука, но по тому, как вдруг напряглась его спина, поняла — вампир почувствовал, что происходит что-то непонятное для него.

Гость обернулся, и глаза его расширились от изумления.

— Кто ты? — едва слышно выдохнул он, повторяя ее недавний вопрос, и предательски дрогнувший голос выдал его страх.

Страх, совершенно неожиданно накинувшийся на того, кто еще мгновение назад был насытившимся своей жертвой охотником. Страх сменился ужасом — глаза недавней жертвы сияли сейчас желтым демоническим светом, словно наполненные изнутри расплавленным, раскаленным мутным золотом. И этот свет мог принадлежать лишь одним существам во всем Эпаме — Пораженным!

Девушка плавным движением соскользнула со стола. Ее чувства обострились, а рефлексy многократно усилились,

позволив видеть и ощущать весь окружающий мир совершенно иначе.

— Как ты смогла?! — проговорил гость, все еще удивляясь тому, что девушка сумела выжить после того, как он выпил большую часть ее крови.

Понимание наконец коснулось светом озарения его сознания. Он должен был почувствовать сразу, как только приблизился. Должен был увидеть, едва только она оказалась в поле его зрения. Ведь вампиры видят несравнимо больше, чем обычные смертные люди.

Гость не успел ни подумать, ни пожалеть больше ни о чем. Двигаясь с невероятной скоростью, едва видимая даже для глаз вампира, Кассандра оказалась совсем рядом и сомкнула налившиеся нечеловеческой силой руки на его шее. Гость задергался, буквально теряя рассудок от сковавшего его смертельного ужаса. Но проще было, наверное, ребенку справиться с драконом, чем вампиру разорвать объятия Кассандры.

Красивые губы девушки потрескались, а милые черты лица исказились ненавистью. Волосы покрылись сединой, и вместо ногтей на руках выросли когти, впившиеся теперь в тело незваного гостя, бившегося как птичка в силке.

Кассандра вспорола плоть его шеи, и свежая кровь, которую только что получил вампир, теперь вновь покидала его, унося с собой жизненные силы. Применить способность метаморфа вампир уже не мог, только его руки рвали ногтями плоть бывшей жертвы. Но это сопротивление больше походило на предсмертную агонию. Пытаясь вырваться, он поскользнулся на мокром от крови полу и рухнул навзничь, увлекая за собой Кассандру.

Холодный свет двух равнодушных лун освещал окровавленные тела, извивающиеся на полу остывающей комнаты. Слов больше не было, да и нет им места на нейтральной территории между жизнью и смертью. Лишь хрипы, стоны да шипение вырывающегося из разорванного горла воздуха.

Когда все было кончено, Кассандра встала над поверженным телом ее убийцы. Кровь все еще сочилась из рваных вен девушки и ран, которые умудрился все же нанести отчаянно сопротивлявшийся вампир. Но эти раны нисколько не волновали ее.

Мир вокруг разительно переменялся, в то же время остав-

пись прежнему и хорошо знакомым. Мир этот теперь стал намного более ясным и понятным. Тьма пустого дома больше не пугала, как не пугали ни ночь, ни что-то иное в этом мире. Она знала, что стала сильнее. Кассандре предстояло многому научиться и многое понять в себе, но главное, что ощутила она во всех совершившихся с нею переменах, — это то, что весь этот мир теперь может принадлежать ей.

Лежащий у ее ног не был мертв. Убить вампира достаточно сложно, и в смерти своей они горят священным огнем Денмиса, опаяя все вокруг. Она могла легко убить его. Он обессилел и ослаб настолько, что даже самый внимательный взгляд не смог бы заметить в нем жизни, но ей не нужна была его смерть.

Кассандра своим новым восприятием мира видела ту жалкую искру живого, которая еще не позволяла полыхнуть смертельному пламени. Крепко ухватив за отвороты плаща, она резким рывком вздернула бесчувственное тело и швырнула его на стол. Почти так же, как совсем недавно поступил незванный гость, обрекая ее умирать от своего поцелуя.

Вампир был жив, и девушка, словно подчиняясь неведомому призыву своего разума, поднесла кровоточащую руку ко рту монстра. Вампирам нужна кровь? Что ж, она даст ему кровь. Вот только будет ли он рад этой крови?

Первые же капли заставили вампира широко раскрыть глаза, казалось, уже тронутые льдом небытия, и тотчас в их глубинах вспыхнул, возрождаясь, голодный огонь. С яростным клекотом в горле он подался вперед, но Кассандра с усмешкой отдернула руку, вновь схватив гостя за горло, буквально припечатывая его к дереву стола.

— А теперь ты расскажешь, кто ты и что ты со мной сделал, — мягко сказала девушка, отлично осознавая свою силу, которой вампир просто не в силах противостоять.

— Меня зовут Джекарт... Меган... — прохрипел вампир, начиная отвечать на вопросы.

Рука Кассандры была скользкой от крови, но хватка оказалась настолько сильной, что Джекарт не мог даже шевельнуться. За многие годы своего существования в облике вампира он еще ни разу не испытывал такого ужаса. Джекарт всегда успешно избегал слуг Черного Трона, следуя древним знаниям и чувству самосохранения. Он всегда был осторо-

жен и предельно внимателен. Но в этот раз чувства подвели его. Он совершил смертельную ошибку, исправить которую не могло уже ничто. И теперь он с ужасом, близким к безумию, ощущал, как отравленные Мраком капли крови Пораженной обращают его самого в слугу его бывшей жертвы. Немулоимо и неизбежно вампир Джекарт Меган превращался в покорного раба приспешника Мрака.

Глава 1 ДОРОГА ВО ТЬМЕ НАДЕЖДЫ

Уже прошла та пора осени, когда деревья пылают золотыми и багряными красками, а дни все еще остаются теплыми и сухими, словно последнее напоминание о минувшем лете.

Гефорг Нарлинг лениво развалился на скамье и старался не замечать ухабов, на которых то и дело подпрыгивала карета, содрогаясь и скрипя всеми своими составными частями. Пять лет учебы остались позади, уносясь в прошлое со скоростью трясущейся по раскатанному тракту кареты, запряженной четверкой крепких осналийских коней. Но такое приятное для молодого человека событие, как завершение обучения, сейчас вовсе не радовало юного Нарлинга. Напротив, смутная тревога не покидала Гефорга. Пять лет — немалый срок. За это время в родных краях могло измениться все что угодно. И никто не поручится, что эти изменения к лучшему.

От Ас-Ангела до Дарграда проходил широкий тракт, по которому уже четыре долгих дня Гефорг трясся в карете, останавливаясь лишь ненадолго в придорожных тавернах, чтобы перекусить, да заворачивая к ночи в придорожные гостиницы.

Гефорг расстался с Эйдисом, своим братом, у дверей университета Ас-Ангела. Эйдис Нарлинг, более склонный к военным наукам и отличающийся жестким боевым нравом, обучался на другом факультете. Гефоргу казалось, что сами боги наделили его всеми качествами, особо ценимыми в воинском деле, поэтому сразу по завершении обучения Эйдис отправился в столицу Дионии — славный город Эртию. Там он рассчитывал поступить на службу к королю Дионии Рамону Бесстрашному. Гефорг же, совершенно не видя своего

будущего на воинской стезе, решил ехать домой. Он сам еще не знал, чем будет заниматься, — будущее казалось ему нераскрытой книгой. Скорее всего, станет помогать отцу в торговле. А может, отправится в Ренмаг — знаменитый город на юго-востоке королевства, где подпирали небеса башни всех Магических Лож. Там уж точно можно отыскать для себя дорогу к великому будущему.

Молодой человек выглянул в окно кареты, окидывая неторопливым взором пасмурное утреннее небо, постепенно затягивающееся тучами. В редких просветах, едва различимая для невооруженного глаза, виднелась тусклая багровая звезда, появившаяся на небосводе пару недель назад. Гефорг вспомнил, что два мудреца в Ас-Ангеле, изучавшие движения звезд, предсказывали ее появление уже года три назад, но тогда им мало кто верил.

Впереди показался город. Его темно-серые дома становились еще более мрачными в такую непогоду.

Городок, лежащий к северо-востоку от Дарграда, назывался Сеибин. Но, несмотря на свои немалые размеры, он не был окружен стеной. Это объяснялось удобным и безопасным расположением. Однако теперь Гефорг заметил, что на въезде в город построили широкую арку со стальными воротами, возле которой караулила смена городской стражи.

Город приближался, разрастаясь, но оставался при этом таким же неприветливо серым в пропитанном влагой и ветром воздухе.

Вскоре карета замедлила ход, и кучер что-то прокричал стражникам. Стража на городских воротах с подозрением и каким-то особым тщанием осмотрела экипаж, однако ворота открыли, не требуя ничего сверх обычной меры. Кони, словно тоже мечтая о чистом стойле и добром овсе, бодро внесли карету на промокшие улицы Сеибина.

— Остановимся перекусить, господин? — вопросительно крикнул кучер, обращаясь к Нарлингу со своих козел.

— Нет, Далтон, поехали дальше, — ответил Гефорг, высываясь в окно. — Мы уже совсем близко от дома. Доберемся — тогда и перекусим и отдохнем.

Кучер вновь плотнее запахнул кожаный громоздкий плащ и поторопил коней. Замедлившая было бег карета вновь полетела по улицам, с шумом разбрызгивая заливаю-

щие брусчатку лужи. Тучи наконец-то прорвались начавшимся дождем. Тяжелые капли падали на серую мостовую и, разлетаясь брызгами, собирались вновь в ручейки, все больше заливая улицы. Редкие прохожие с угрюмыми лицами хмурыми взглядами провожали карету, а потом торопились дальше, стараясь побыстрее укрыться от непогоды. У Гефорга возникло навязчивое ощущение, что люди чем-то напуганы или не на шутку встревожены.

— Да, — пробормотал молодой человек, поймав очередной мрачный взгляд горожанина. — В наше темное время страх живет в каждом.

Атаки Пораженных на приграничные города за последнее время участились. И хоть Сеибин располагался не менее чем в двух днях конного пути от границы королевства, страх перед слугами Мрака и здесь был ощутимо силен.

Многие священники Света проповедовали, что настают времена Заката Эпама, предсказанные в священных писаниях. Они говорили, что появившаяся кровавая звезда — это предзнаменование страшной беды, готовой вот-вот обрушиться на смертных.

Выехав через западные ворота, Гефорг увидел, что с этой стороны города спешно ведется постройка широкой каменной стены.

Оставив Сеибин позади, они вновь оказались на просторном тракте. Кучер щелчком кнута над упряжкой приободрил коней, и карета стала набирать ход.

Остаток дня прошел в тягучей полудреме. Однообразная местность, серое небо и ледяные порывы ветра, пытающиеся прорваться в щели между окном и рамой. Дождь лил все сильнее и сильнее, и под его тяжелый стук Нарлинг зябко кутался в теплый дорожный плед. Он уже даже не смотрел в окно, пресытившись унылым осенним пейзажем. Возможно, он сумел бы заснуть, но ухабов на тракте стало еще больше, и карету нещадно трясло.

Одновременно с наступлением сумерек на пределе видимости показалась приближающаяся черной массой кромка леса.

— Армалия Милосердная, дай нам доехать целыми и отведи от нас силы зла, — проворчал кучер импровизированную

молитву, коими часто пользуются путники в таких мрачных и пугающих местах.

Дальше тракт пробивался прямо через лес, и чащоба высилась сразу за кромкой утоптанной ленты дороги. А после заката, когда зло пробуждается в дремучих чащах, никому не хотелось находиться под сенью леса дольше, чем это было неизбежно. Будь на то его воля, Далтон, ни на миг не сомневаясь, не сунулся бы сюда на ночь грядущую, а спокойно переждал до утра в уютной гостинице.

Был бы сыт, обогрет, да и утро вечера мудренее, думалось кучеру. Какая беда в том, чтобы приехать в отчий дом днем позже? Но молодой господин в своих решениях ведет себя в точности как его родитель — уж если втемяшилось что в голову, не свернет. Упрямая порода, хоть молодой господин и несравнимо мягче, опасливее и, можно даже сказать, трусливее папаша. Вот младший брат его Эйдис — хоть и приемный сын, но просто вылитый отец... Впрочем, Далтону грех жаловаться на господский норв: уже много лет служит семье Нарлингов — и ни разу не был необоснованно обижен. А уж в услужении молодым сыновьям, куда Нарлинг-старший отправил Далтона на время их учебы, и вовсе было вольно и легко. Но учеба Нарлингов в прошлом, и теперь вот этот мрачный, залитый дождем лес окружает со всех сторон. Далтон вздохнул, сетуя на свою судьбу, и еще сильнее натянул на голову капюшон-воротник своего кожаного плаща. Больше погонять лошадок нельзя — не ровен час, на какое упавшее дерево налетят или еще какая напасть случится...

Деревья уже сбросили большую часть листвы и теперь гнулись под порывами ветра, раскачивая голыми черными ветвями, словно мистические существа, сошедшие со страниц страшных сказок. А едва ветер стихал на миг, темные стволы по обе стороны дороги превращались в искореженные уродливые статуи. С темнеющего неба низвергались потоки воды, размывая и без того неважную дорогу. В густом и тяжелом воздухе ощущалась напряженность, будто в преддверии бури. В глубине леса, несмотря на проливной дождь, виднелся стелющийся распластанными клочьями туман, а темное небо приобрело свинцово-серые оттенки.

Дорога, проложенная через лес, вела прямым путем на Дарград. Еще недавно Гефорг надеялся засветло оказаться

дома, но погода портилась быстрее, чем они с Далтоном ожидали, а теперь и вовсе стремительно темнело.

Остатки призрачного света уходили вслед за Оком Увара за горизонт, и вместе со вступившим в права сумраком из-за теней деревьев на Нарлинга нахлынул страх. Каждая тень выглядела шевелящимся во тьме монстром. Гефоргу так и мерещилось, что демоны Мрака, или Пораженные, или иные ужасные монстры готовятся вот-вот наброситься из этой тьмы и растерзать любых путников, задержавшихся до темноты на дорогах королевства.

Далтон щелкнул вожжами, понуждая коней двигаться немного быстрее. Дождь на время прекратился, но тучи так и продолжали нависать, давя своей осязаемой тяжестью. Вскоре дорога вырвалась из мрачного леса, и теперь пейзаж сменился полями по обе стороны от несущейся кареты. Гефорг высунул голову в окно, подставив лицо тугому потоку прохладного влажного ветра. Глаза слегка заслезились, но молодой Нарлинг с радостью увидел знакомые с детства окрестности: выкованный искусным кузнецом указатель к городу; тропу, ведущую к речке, куда убежал в детстве от родителей; огромное древнее дерево, стоящее в отдалении и совсем не изменившееся за годы жизни Гефорга...

Настроение у молодого Нарлинга улучшилось, словно последние солнечные лучи этого дня разогнали тоскливый мрак. Следом за настроением улетучились и все гнетущие молодого человека страхи. Гефорг, высунувшись в окно, подумывал — не попросить ли Далтона остановиться, чтобы пересечь к нему. Если бы не недавние мучившие Нарлинга страхи, он бы уже давно перебрался наверх, на козлы. Тем более что они буквально сдружились еще в Ас-Ангеле. Скорее всего, причиной этому был характер — в отличие от многих других учащихся Ас-Ангела, Гефорг не считал для себя зазорным общаться с обычными людьми, такими, как, например, Далтон, чей род не принадлежал ни к баронам, ни к дворянам, ни даже к зажиточным торговцам. Да и с незнакомыми людьми молодой Нарлинг быстро умел находить общий язык.

Неожиданно сильный порыв ветра словно специально швырнул в лицо юноши холодные водяные брызги, остужая его недавнее желание покинуть относительный уют салона.

Нарлинг втянул голову в плечи, невольно прикрывая окно плотным пологом. Тут же в голове возникло вполне разумное оправдание: возжелай он лезть на козлы — и Далтону придется останавливать карету, помогая ему устроиться наверху, а то и доставать из заднего каретного короба такой же кожаный плащ до пят, в какой был облачен сам. Все это неотвратимо принесет потери времени и отсрочит столь желанное возвращение домой.

Тающее Око Увара, образ которого едва просвечивался через пелену дождевых туч, уже провалилось своим размытым сумерками краем за линию горизонта, когда карета подкатила к пригороду Дарграда. Неприятное чувство, словно дуновение ледяного ветра в зимнюю стужу, накатило на Гефорга, едва городские стены показались из-за поворота.

Такие темные и неприветливые.

Глава 2 ХОЛОД, ПОДОГРЕВАЮЩИЙ ЗЛОБУ

Босые ноги ступали по обжигающему темному песку, а жара выжигала, казалось, саму душу. Экраим эль Нарим присмотрелся к песку — тот был багрового цвета.

— Это не песок, — озвучил пришедшее к нему знание Экраим. — Это кровь. Запекшаяся, высохшая кровь.

Экраим поднял глаза и осмотрелся — вокруг, насколько хватало глаз, простирались лишь давно остывшие руины и пепелища костров, в которых угадывались человеческие кости. Он поднялся на холм, и взору его открылось высохшее русло реки. До самого горизонта простиралась пустыня.

Пустыня, в которой песок заменяла кровь.

Жар светила был невыносим даже для эль Нарима, выросшего в южной стране Фиринского Царства. Он поднял глаза и увидел в безоблачном небе черный диск. Экраиму стало трудно дышать. Неестественный ужас сковал его сердце, вырвав короткий крик, больше похожий на стон. Безысходность и отчаяние наполнили его душу. Экраим понял, что его борьбе пришел конец — он проиграл. Все проиграли. Мрак полностью воцарился в Фиринском Царстве. И не только здесь — весь Эпам пал в битве с Мраком. Вспотевшие ла-

дони ослабли, и, чтобы не выронить нож, Экраим крепче сжал пальцы.

— Мрак... — прошептал он, упав на колени в сухую кровь бесконечной пустыни мира, где в небе царило не священное Око бога жизни Увара, а лик проклятого божества Черного Трона.

Свет нечестивого светила, казалось, высасывал из него жизнь, вытягивал душу. Воин собрался с силами и, закричав, рывком поднялся с колен...

Экраим в холодном поту вскочил с кровати, держа в руках кривой, остро отточенный нож. Молния осветила его поджарую фигуру, а гроыхнувший следом гром заставил дрожать стекла в окне его комнаты.

— Опять этот сон, — простонал Экраим.

За долгие годы, казалось, можно было привыкнуть ко сну, повторяющемуся вновь и вновь, но каждый раз, когда сон приходил к Экраиму, он не помнил, что когда-то уже видел эту пустыню крови. Во сне забывалось все. В памяти был лишь краткий миг происходящего, и ничего более.

В дверь комнаты постучали.

— Эй! Открывай! — прозвучал грубый голос.

Экраим набросил на плечи плащ и откинул засов. На пороге стоял владелец постоянного двора.

— Что у тебя случилось? Ты орал, словно тебя четвертуют, — недовольным тоном спросил хозяин.

— Все в порядке. Мне просто приснился дурной сон, — ответил Экраим, жестом приглашая трактирщика осмотреть комнату. — Непогода. Кости ломит от сырости.

Хозяин заведения мельком оглядел комнату и, не заметив ничего подозрительного, потерял интерес к постояльцу. Бурча под нос ругательства в адрес беспокойных клиентов, он вразвалку побрел к лестнице.

Экраим запер дверь на засов и лег в постель, но сон больше не шел к нему. Он зажег свечу и вновь перечитал письмо.

— Проклятый Нарлинг! — зло прошептал он и начал одеваться.

Строчки письма подгоняли его в путь. Странное чувство, наполнявшее Экраима от воспоминаний прошлого, заставляло его как можно скорее разобраться с этим непонятным делом.

Экраим выехал за ворота Нирда, оставив позади еще один город.

Еще до пробуждения Ока Увара по размытой дождем дороге одинокий странник отправился дальше, на запад. Темное мешковатое одеяние не позволяло даже приблизительно судить о сложении путника, а широкий плащ, ниспадающий опавшими крыльями на круп коня, и вовсе превращал фигуру в нечто призрачное — настолько, что вряд ли можно было определить, мужчина это или женщина.

Утренний холод пробирал до самых костей, и, чтобы отвлечься от изнуряющего разум холода, Экраим вспомнил жаркую родину — Наин. Там ждала его война. Долгая война ради справедливости. Ради мести.

— Ты особенный, Экраим, — твердил ему Осмах дель Порту. — Люди, обстоятельства и даже действия приспешников Истинного Врага в конечном итоге явились теми нитями Судьбы, которыми связал твою жизнь, милый мой мальчик, и мою жизнь Суций Творец.

Экраим мысленно усмехнулся. Его воспитывали согласно Кодексу Жизни — священному писанию Нахена, или, как его называли в странах Фиринского Царства, Сущего Творца. Но также в него вдальблывали Писания Карающих — книгу пророка Омара. Писания Карающих содержали гимны и литании, которые выучивались воинами и перед битвами наносились на тело. Жестокое учение, которое балансировало на тонкой грани между ересью и догмами Сущего Творца. Но, как бы ни старались его воспитанники, Экраим так и не почувствовал себя частью замысла Белого Трона, созданием Света, кем являлись все верующие Наина, да и остальных двух стран, граничащих с ним, — Уфуром и Рилабаром.

Экраим ненавидел Истинного Врага не потому, что он являлся противником Белого Трона, но из-за боли, которую его слуги принесли ему, его стране и людям, бывшим ему близкими и родными.

Экраим вспоминал наставления Осмаха и то, как его учили находить метки Мрака на теле приспешников Таллара или Десидо. Как он впервые увидел чуждые всему Светлому демонические глаза Пораженных, горящие изнутри неприятным желтым светом.

Когда эль Нарим размышлял о Мраке, из глубин подсоз-

нения поднималась лишь жажда мести. Она звала назад, на восток. К дворцам, построенным на берегу великой реки Лиаг...

Утро незаметно перешло в полдень, когда Экраим промчался мимо странной компании — вздохмаченный старик кричал на солдат, охранявших повозку. Эль Нарим гнал коня вперед, а полдень начал сменяться сумерками. Тоскливая дорога тянулась через чащобу прямой грязной лентой. Лес, с обеих сторон темной стеной вздымающийся в вечернем полумраке, мрачный и тяжелый, словно каменные стены ущелья, отступил от тракта, и на севере стали видны Мертвые Горы.

Эль Нарим остановился и спешился. Из леса вытекал глубокий ручей и скрывался под каменным мостиком впереди дороги, чтобы затем появиться и исчезнуть в противоположной стороне леса. Экраим окунул голову в глубокий ручей кристально чистой обжигающе-холодной воды и встряхнул волосы, чувствуя быстрый прилив сил. Вновь наклонившись к воде, он сделал несколько больших глотков, впуская бодрящую свежесть внутрь себя. Леса этой страны были для него чудом, которое постигалось не сразу. Того, кто привык жить в степи, на которую наступают пески пустыни Шакхи, буйная растительность Срединных Королевств вводила в замешательство. Вода, бьющая прямо из-под земли; причудливые звери, разгуливающие по лесным тропам.

Мощный далекий рев заставил Экраима резко обернуться. На фоне серого неба он увидел над лесом приближающийся силуэт красного дракона. Эль Нарим поспешил спрятаться под сенью деревьев. В своих когтях дракон нес что-то похожее на повозку или фургон. Конь раздраженно зафыркал, но Экраим тихим голосом успокоил его. Алый дракон повернул в сторону Мертвых Гор и вскоре скрылся в темных пиках.

Ветер толкнул странника в спину, будто напоминая о том, что надо торопиться. Экраим бросил последний взгляд на горы, среди которых скрылся дракон, и мягким, но стремительным движением заскочил в седло. Тронув пятками круп лошади и отпустив поводья, он послал животное медленным галопом.

С небес полил дождь. Холодные мелкие капли вонзались

в лицо и руки — единственные открытые части тела. Шерстяной плащ намок, а глубокий капюшон слетел на затылок, открыв смуглое, непривычное этим краям лицо с темными глазами и суровыми морщинами. Тонкие и хищные черты лица гармонировали с его неуловимым языком тела — плавными и точными движениями.

Смуглолицый странник изрыгнул проклятья и поклялся при возможности обзавестись просторным кожаным плащом, под которым можно не бояться ни дождя, ни ветра. Чем дальше на северо-запад он продвигался, тем сильнее портилась погода. Холодные ветра, дожди и отсутствие солнца утомили его, заставляя все чаще обращаться мысленным взором к своей родине.

Экраиму не привыкать было передвигаться по вражеской территории — а именно такой территорией он считал земли Срединных Королевств. Неотданный долг и желание уничтожить зло, порожденное Истинным Врагом, гнало его в городишко на окраине королевства Дионии.

Продвигаясь из города в город, Экраим удивлялся, как люди могут жить на этой земле. В постоянном холоде, постоянном страхе перед Истинным Врагом. На родине Экраима тоже была несправедливость: жестокие нагиры — советники Наместника, жадные ростовщики, но справедливость восстанавливалась если не мирным путем, то кровью.

Диония не граничила ни с одной из стран Фиринского Царства, и Экраиму пришлось пересечь несколько королевств, прежде чем попасть в саму Дионию. Последнее королевство, которое проезжал эль Нарим, называлось Бария. Имея территорию большую, чем Диония, Бария пребывала в сильном упадке. Страх перед Пораженными, а также жестокость короля и его вассалов привели к тому, что в Барии начались народные волнения. Однажды Экраим даже стал свидетелем восстания. Крестьяне, находящиеся под властью какого-то деспота, подняли бунт и сожгли замок лорда, повесив всю его семью на центральной площади деревни.

Банды разбойников шныряли по дорогам королевства. Правители земель оказались настолько разрозненными, что даже чужак, коим был Экраим, видел, насколько бесполезно было бы пытаться исправить положение.

Временами он вспоминал о том, что в его стране до сих

пор идет гражданская война. Как же он мог оставить все это?.. Но непоплаченный долг подгонял его вперед. Как только Экраим разберется с этим, то сможет вернуться на родину, чтобы продолжить сражаться ради мести, ради своей страны, против тех, кто продал свои жизни Истинному Врагу и отравляет души истинных верующих ложными идеалами.

Он двигался вперед, вновь и вновь, словно заведенный. Временами с его губ срывались проклятия в адрес Нарлинга.

Неожиданно Экраим осадил коня, ощутив что-то в вечернем густеющем воздухе — выработанное с годами чутье на опасность заставило его опрокинуться на круп коня. И в тот же миг, одновременно с его движением, из темноты леса едва видимым росчерком ударила стрела. Чуть коснувшись оперением груди запрокинувшегося всадника, она исчезла в зарослях с другой стороны дороги. Тут же с разных сторон зазвучали яростные крики выпрыгивающих из засады разбойников. Стрелок, который должен был без шума и пыли ссадить задремавшего путника с коня, промахнулся. Но с численным перевесом, который имели полтора десятка бандитов по сравнению с одним-единственным странником, можно было смело бросаться в лобовую атаку. Это ведь не карета под прикрытием нескольких воинов. Здесь главное — не дать путнику ускакать на своем коне.

Сразу несколько человек бросились на дорогу перед конем, размахивая оружием, среди которого были в основном палицы, топоры да копья. Конь поднялся на дыбы, норовя ударить копытами нападающих. Всадник не старался удержаться в седле. Напротив, раздувшийся от резкого движения плащ будто превратился в крылья — путник прыгнул с коня в сторону двоих ближайших разбойников. Оставшийся без седока конь испуганно умчался прочь по темной дороге. Экраим сомневался, что сможет потом отыскать этого пугливого коня, которого он совсем недавно купил на одном из постоянных дворов Пуатрока. Но задумываться об этом теперь было совершенно некогда. Темная ткань скрыла стремительные, как укус кобры, движения, и только тусклое мерцание необычного кривого меча объяснило, отчего это оба нападавших вдруг мешками рухнули в дорожную пыль, щедро орошая ее кровью.

— Вон он! — завопил кто-то, бросаясь к путнику с занесенной над головой палицей.

Путник взмахнул свободной от меча рукой, и крик оборвался вошедшим по самую рукоять в горло крикуна тонким кинжалом. Едва не забрызгав Экраима своей кровью, бандит еще не успел упасть, а смуглолицый путник уже скользнул в самую гущу набегающих врагов, вопреки всякому здравому смыслу забрасывая кривой клинок в заплечные ножны. Он буквально бежал, умудряясь при этом раскачиваться из стороны в сторону, увертываясь от направленных в него копий. Казалось, что он танцует странный тягучий, но в то же время стремительный танец, размахивая руками. Но только после того, как один за другим четверо разбойников подняли дикий вой, совершенно необъяснимым образом потеряв конечности и иные части тел, остальным стало ясно, что что-то не так.

Теперь они не спешили наброситься на страшного путника хаотично, как раньше. Они окружили его, оставаясь на почтительном расстоянии, выставив перед собой копыя и рогатины. Один из разбойников — видимо, как раз тот, кто стрелял из кустов, — опять взялся за лук. Экраим не стал ждать — плащ вновь, словно распахнутые темные крылья, взмыл вверх, скрывая контуры стремительной фигуры. Стрела прошла прочную ткань насквозь, не причинив вреда путнику, зато позади кто-то удивленно вскрикнул, получив ее прямо в грудь. Смертельно раненный бандит крутанулся и плашмя упал на дорогу.

За четыре шага до лучника, который уже наложил вторую стрелу на свой лук, путник вновь размашисто взмахнул рукой. В сером свете уходящего дня мелькнула тонкая серебристая нить, перечеркивая замершего стрелка. Тетива лопнула. Рог лука с деревянным стуком упал вместе с выпавшей из разжавшихся пальцев стрелой под ноги лучника. Туда же скатилась его голова, начисто срезанная тонкой нитью. Прежде чем упасть, безголовое тело еще какое-то время стояло на ногах, выплескивая из обрубка шеи тугие струи темной крови.

— Это маг! — завопил кто-то из разбойников, испуганно пятясь в сторону леса.

— Ну так убейте мага! — истерично закричал стоящий в отдалении громила, по всей видимости главарь.

Экраим, усмехнувшись, молча кинулся в атаку. Они были не так уж и далеки от истины — охранные заклинания, выжженные магией на его лице и руках, придавали ему дополнительные силу и скорость. Впрочем, для такого сброда, из которого состояла банда, и его собственных сил война было более чем достаточно.

Эль Нарим вновь выхватил из-за спины кривой меч, а во второй руке появилось тонкое длинное жало еще одного кинжала. Уклонившись от брошенного в него копья, странник увел в сторону удар крестьянского топора и тотчас вогнал в брюхо его хозяина клинок кинжала, вздергивая его снизу-вверх. Спустя мгновение дымящиеся внутренности вместе с потоком крови вывалились в грязь. Толкнув плечом выпучившего от боли глаза разбойника, он подхватил брошенное кем-то копьё и, подавшись всем телом, мощно метнул его в отступившего почти к самой обочине врага, назвавшего его колдуном. Бросок оказался настолько сильным, что копьё, пробив тело насквозь, вышло со спины.

Из всей банды грабителей остались только четверо. Теперь, панически озираясь по сторонам, они беспрестанно ругались, пытаясь отогнать страх и вернуть решимость. Но как вернуть эту решимость, если вокруг лежат изрубленные на куски десять товарищей, а на ужасном незнакомце нет, похоже, ни единой царапины? И даже лица его никто из пока еще живых четко не разглядел.

— Уходим! — заорал здоровяк.

Экраим, перехватив кинжал правой рукой, метнул его в главаря бандитов.

Разбойник едва успел отшатнуться — клинок вспорол ему щеку, порвав рот, и вонзился в стоящее рядом дерево.

Явно не человек попался им в этот черный день. Видимо, силы Света решили покарать их за все загубленные души, нашедшие свой покой на этой лесной дороге. Трое разбойников, подхватив своего главаря, кинулись в лес, теряя на бегу оружие и боясь даже обернуться назад. Ветер шелестел листвою, но разбойникам казалось, что это страшный незнакомец настигает их на своих черных крыльях.

Экраим молча смотрел вслед ломящимся через чащобу

беглецам. Подойдя к дереву, он рывком выдернул кинжал и спрятал его под плащом. Он не собирался гнаться за ними — нет смысла в убийстве ради убийства. Его жизни больше ничто не угрожало. Беглецы не прихватили с собой ничего из принадлежащего ему. Никто не заплатил ему за их смерть. А главное — эти жалкие разбойники не были преданными слугами Истинного Врага. Достаточно много доводов в их пользу. А значит, они могут жить до тех пор, пока не произойдет что-то из перечисленного. Тем более что ему еще необходимо почистить свое оружие и осмотреть трупы врагов — возможно, повезет разжиться чем-то полезным, а странник не должен брезговать такой возможностью облегчить свой путь.

Лес отступил, и впереди распластались поля. И хоть Диония не была самым большим королевством из всех, эль Нарим отлично понимал, что шагать ему еще много дней, если он не обзаведется новой лошадью.

Экраим буквально своей шкурой ощущал, как осень готовится превратиться в зиму. Даже за время его сравнительно недолгого путешествия по этим краям нельзя было не заметить, как дни становятся все короче и дождливее, а ночи длиннее и холоднее. Он поплотнее закутался в плащ, пытаясь согреться.

Обчистив карманы убитых, он нашел немного денег, которых должно было хватить и на ночлег, и на нового коня, поэтому сами по себе эти трудности его нисколько не смущали. Но другой враг постоянно теснил его, не зная устали, — время, с которым никто не в силах был совладать.

Уже стемнело, когда эль Нарим, промокший, замерзший и голодный, добрался до города, раскинувшегося на черной скале. Массивный виадук соединял дорогу и городские ворота. Экраим успел пройти в город до закрытия ворот и, спросив у стражников, где находится ближайший постоялый двор, напрямик двинулся в указанном направлении.

Бревенчатые стены постоялого двора, находившегося недалеко от ворот, хранили тепло, о котором так тосковал смуглый странник. Висящие на стальных цепях лампы с масляным фитилем внутри давали тусклый желтоватый свет. Тепло, запахи готовящейся пищи, тихий шум и разговоры окутали Экраима и словно втянули внутрь трактира. Эль Нариму

хотелось сесть поближе к пылающему в камине огню, но он предпочел дальний угол возле стены. Тень от лестницы на второй этаж накрывала и место, где стоял стул, и часть стола. Он же, расположившись именно здесь, мог отлично видеть и контролировать как все помещение, так и входную дверь.

Возле камина разгорелся спор — седовласый гном спорил с рослым варваром. За соседним столиком какой-то посетитель получил звонкую оплеуху от служанки. Мужчина поднялся, возвысившись над ней на целую голову, но тут Экраим увидел, как девушка вытащила блестящее лезвие из кармана фартука, и мысленно усмехнулся.

Еще одна служанка подошла к Экраиму, и тот попросил принести вина и жареного мяса с лепешкой хлеба. Кивнув, девушка ушла собирать заказ, а Экраим вернулся к наблюдению за служанкой, которая к тому времени с помощью ножа убедила мужчину сесть на место. Экраим проследил взгляд мужчины и понял, что того привело в чувство вовсе не созерцание миниатюрного клинка в хрупкой руке девушки, а вид человека за стойкой. Явно уже в годах, этот мужчина был массивен, будто буйвол, и походил сложением на горного тролля. Но, как и положено хозяину заведения, он не проявлял излишней враждебности к посетителям — увидев, что проблема исчерпана, прислонил огромный молот обратно к стене и возвратился к разливанию для гостей вина и эля.

Экраим растянул губы в улыбке — девушка, которую он принял за служанку, скорее всего, была дочерью хозяина заведения, того самого здоровяка за стойкой. И, судя по тому, как легко и хватко держал этот мужчина тяжелый боевой молот, можно было понять, что за свою жизнь он явно занимался не только делами постоянного двора. Клиент не стал ввязываться в драку — умно с его стороны и достаточно для хозяина, чтобы вновь со всем радушием потчевать этого же образумившегося гостя ужином.

Служанка принесла блюдо с заказанной едой и большой кружкой вина. Экраим расплатился и с наслаждением принялся за пищу. Жареное мясо, на вкус странника немного жестковатое и недостаточно острое, было еще горячим и сочным, в отличие от кусков вяленого, которыми питался эль Нарим последние несколько дней. Спор гнома с варваром быстро затих, и они разошлись по комнатам, высокий муж-

чина, получивший пощечину, допил остатки выпивки и, грохнув кружкой о стол, тоже отправился спать.

Экраим дождался, пока все посетители разойдутся, затем подошел к уснувшему прямо за стойкой хозяину и договорился о цене за нового коня. Лишившись почти всех денег, эль Нарим направился в выделенную ему комнату, чтобы забиться коротким сном.

Утром, вновь укутанный в свой бесформенный балахон, он уже мчался на новом коне дальше на север. До цели оставалось совсем чуть-чуть. Смуглолицый странник гнал коня по раскатанному тракту. Еще несколько дней пути — и он достигнет того, кого ищет.

В пути Экраим старался объезжать сторожевые посты и патрули, а когда оказывался на улицах городов, спешилался и передвигался очень медленно, стремясь не привлекать любопытных глаз. Это уже было у него в крови — чем меньше тебя видят, тем легче достичь цели.

— Как же надоело мерзнуть, — пробормотал Экраим, еще раз отмечая, что нужно обзавестись кожаным дорожным плащом с глубоким капюшоном, какие весьма популярны в этих слякотных странах.

Сам по себе холод не мог нанести его закаленному сильному телу какой-нибудь вред, но вся эта совершенно чуждая ему погода вселяла в его сердце легкую грусть по далекой родине.

По широкой дороге Экраим к ночи добрался до какой-то брошенной деревушки, жители которой, по всей видимости, в спешке покидали свои дома. Заночевав в одном из домов, с рассветом эль Нарим отправился дальше и уже к полудню добрался до Сонды.

Городок оказался достаточно крупным, и Экраим решил запастись провиантом перед последним рывком. Эль Нарим обратил внимание, что улицы безлюдны, многие магазины закрыты, а окна домов зашторены черной материей. Проходя центральную площадь города, Экраим увидел несколько десятков человек, стоящих вокруг инквизитора в черной рясе.

— Пораженные! — громким голосом предупреждал инквизитор. — Существа, больные телом и душой! Они вознамерились завладеть этим славным городом! Они отравляют колодцы и убивают наших детей!

— Посторонись, странник, — услышал Экраим за спиной приглушенный голос.

Эль Нарим отошел и пропустил три повозки, накрытые парусиной. Грязная ткань укрывала трупы людей. Несколько священников сопровождали мрачную процессию, вознося молитвы Денмису за умерших.

— Беги из города, странник, — сказал проходивший мимо него жрец Денмиса.

— Порча предавшихся Мраку въедается в души и плоть! — продолжал вещать инквизитор. — Мы должны убивать каждого, на ком обнаружится Метка Мрака...

Экраим направился прочь от площади. Впереди его ждали цель и долг, который он должен заплатить, уничтожив зло. Мысль о неудаче даже не приходила в голову наемнику. Он был слишком хорошо обучен отнимать жизнь и имел в этом огромный опыт кровопролитной войны, которая до сих пор уже лет тридцать шла на его родине.

Со дня нападения бандитов погода некоторое время стояла ясная, и на небе была видна багровая звезда, которая с момента начала путешествия эль Нарима заметно увеличилась. Но теперь, взглянув на небо, Экраим увидел, как тучи опять заволакивают небосвод.

Будет дождь...

Экраим вновь процедил проклятия в адрес Нарлинга и неспешно вышел за ворота городка, неторопливо забрался на коня и нарочито медленно двинулся по дороге. Впереди его ждал небольшой городишко Дарград, которому некогда пророчили стать крупным торговым центром. Такие пророчества родились потому, что город этот расположился на Южной Тропе — древней дороге, построенной еще гномами, и дорога эта соединялась с Ларийским Трактом. Южная Тропа брала свое начало от пограничного города гномов Нарго-Орд, и жители Дарграда надеялись, что их город станет местом, где гномы и люди будут вести общие дела.

Однако торговым центром Дарград так и не стал — гномы, игнорируя его, возили свои товары напрямиком в Ливинкрон, крупный город, стоящий на пересечении двух дорог. В нем появилась даже довольно большая гномья община.

Но именно Дарград был целью путешествия Экраима, поэтому, как только эль Нарим отъехал на достаточное расстоя-

ние от ворот Сонды, он вновь пустил коня галопом, надеясь через несколько дней наконец прибыть в злополучный городок в этой холодной и неудобной для него стране.

Глава 3 ПОГИБЕЛЬ ИЗ СУМРАКА АЛЧНОСТИ

Молодой паренек прятался в тени, наблюдая за дверью таверны. Масляные фонари давали немного света, и можно было не опасаться, что какой-нибудь прохожий его увидит. Осторожность — это первое, чему вор, а парень был именно вором, учился на улицах города.

«Уже так поздно, — думал паренек. — И холодно. Нормальные люди сидят дома, но только не ливинкронцы. Нет! Этим надо до самого утра заседать в тавернах! Но ничего, рано или поздно кто-нибудь обязательно выйдет оттуда в таком состоянии, что можно будет незаметно залезть к нему в карман».

Но хоть парнишка мысленно и жаловался на прохладу осенней ночи, теплая одежда достаточно хорошо предохраняла его от холода, а капюшон короткого плаща мышинного цвета надежно скрывал его лицо. Наблюдая за улицей, паренек поигрывал небольшим тонким ножом. Таким ножом не убьешь, но зато им удобно срезать кошельки. Некоторые воры предпочитали заточенную по краям монету, которую можно в случае опасности незаметно выронить в пыль, избавляясь от орудия преступления. Но пареньку казалось, что с таким ножом он выглядит намного более серьезным и взрослым.

Дверь таверны с грохотом распахнулась. Изнутри донеслись звуки музыки, смех и пьяная ругань. Юный воришка насторожился. Выйдя из таверны, мимо него тяжело протопали двое громил, завернутые в меха и подпоясанные широкими кожаными ремнями, на которых висело оружие.

«Варвары, — смекнул парень. — К таким лучше не соваться — пришибут насмерть и не заметят». Он остался терпеливо дожидаться на месте.

Ожидание тянулось долго, хотя времени прошло не так много. Наконец в дверях таверны появилась еще одна компа-

ния из трех юношей, одетых в яркую дорогую одежду. Паренек вновь подобрался, предчувствуя неплохую наживу. Вот такие богатенькие подвыпившие повесы зачастую становились жертвами воришек, только начинающих свое восхождение в воровской гильдии. Лучшего сложно было даже желать — молодые и неопытные, эти щеголи прожигали деньги своих родителей. У них и монеты никогда не переведутся в карманах, да и реакция не такая быстрая, как у воинов или торговцев. Парень поудобнее перехватил пальцами свой нож с тонким лезвием и подался из тени.

Но едва он успел сделать первый шаг, как за спиной прозвучал тихий насмешливый голос:

— Тебя уже заждались в застенках городской тюрьмы. Давай, не робей и окажешься там еще до утренней зари.

Юноша обернулся, но проглотил ругательства, которыми уже готов был наградить шутника.

— Элейн! — шепотом воскликнул парень. — У меня чуть сердце не остановилось! Нельзя так подкрадываться к людям! Или ты меня убить хотела?

На то, чтобы сдержать эмоции и говорить почтительно, у парня было две причины — девушка, стоящая перед ним, находилась в гильдии на более высокой ступени. А гильдия для любого городского вора значила очень много — она контролировала весь организованный преступный мир Ливинкрона. Но, пожалуй, как раз эта причина была наименьшей из двух. Главное заключалось в том, что он, как и добрая половина молодых ребят в гильдии, был безответно влюблен в нее. Невысокая стройная девушка с задорной улыбкой и большими голубыми глазами умела очаровать любого мужчину. Она знала, насколько привлекательна, и не задумываясь пользовалась этим своим природным даром.

— Наал! Передумай, пока не поздно, — улыбнувшись, посоветовала Элейн. — Эти кошельки тебе не по зубам.

Компания юношей тем временем остановилась, о чем-то оживленно споря. Один из них размахивал руками и готов был уже уйти, но другой одернул его, и они продолжили разговор уже более спокойно.

— Ты что тут делаешь, Эли? — спросил Наал девушку.

— То же, что и ты. — В голосе Элейн послышалась насмешка. — Помогаю стражникам собирать подати.

— Я первый пришел на это место! — прошептал парень, опасаясь, что девчонка хочет прогнать его отсюда, а он просто не сможет дать ей отпора.

— Конечно. Я не планировала оспаривать твое право на угол в камере, — ответила девушка. — Так что ты можешь меня не слушать. Место в городской тюрьме ждет.

— Да эти пьяные франты даже не заметили бы меня! — упрямо возразил Наал.

— Ну-ну, — хмыкнула девушка. — Ты не приметил разве, что они вовсе не пьяны?

— Они же вышли из таверны, — неуверенно проговорил парень, озираясь в ту сторону, где стояли спорщики.

— Ты действительно такой умный или умело прикидываешься? — с удивлением прошептала девушка. — Ты не можешь отличить пьяных от трезвых — и при этом всерьез собрался подрезать у них кошельки? Да при такой смекалистости ты даже до тюрьмы не доживешь. Они зарежут тебя в этом же переулке, и все дела.

Наал недоверчиво посмотрел на Элейн. Одета в простое серое платье, девушка выглядела потрясающе. Темные волосы спадали ей на плечи, а глаза блестели озорством.

— Ладно, — сжалилась девушка над молодым вором. — Смотри и мотай на ус. Хотя усов-то у тебя еще и нет. Учись, чтобы дожить до усов.

— Помогите! — вскрикнула Элейн не настолько громко, чтобы перебудить всю округу, но достаточно для того, чтобы быть услышанной стоящими возле дверей трактира.

Выскочив из темноты переулка, воровка в несколько стремительных шагов оказалась рядом с удивленно примолкнувшими щеголями. Бежала она явно мимо них, совершенно не рассчитывая на поддержку, и затравленно озираясь в темноту переулка. Но в шаге от стоящей тройцы девушка запуталась в подоле и со всего маху рухнула на мостовую. Совершенно инстинктивно двое из юношей подались в ее сторону, а один из них еще и подхватил девушку под руку, не дав ей разбиться о булыжник мостовой. Ткань подола явственно затрещала, разрываясь, а беглянка, в свою очередь, ухватившись за протянутые к ней руки, буквально повисла на своем спасителе.

— Простите меня, господин, — испуганно залепетала она,

торопливо поднимаясь на ноги и стараясь прикрыть руками разорванный до самых колен подол. — За мной гнался какой-то страшный человек. Простите меня.

Девушка смущенно склонила голову и бегом поспешила прочь, через мгновение скрывшись за углом.

Наал, замороженный, смотрел из тьмы переулка, как Элейн ловко обчистила одного из трех щеголей. Он решил задержаться и увидеть выражение лица этого самоуверенного богатенького сына вельможи, когда тот обнаружит пропажу.

— А она хорошенькая, — сказал оставшийся, в отличие от товарищей, неподвижным.

— Да, точно, я тоже заметил, — согласился второй и, повернувшись к третьему, хлопнул его по плечу. — Тебе, Генрих, стоило немедленно получить с нее благодарность за спасение. А теперь — ищи ветра в поле.

— Согласен, оплошал, — усмехнулся тот, которого назвали Генрихом, и вдруг, изменившись в лице, захолопал себя по поясу. — Проклятье! У меня пропал кошель!

— Чертовка! — захохотал первый, хлопая в ладоши. — Полагаю, в твоём кошельке было немало серебра. Я не видел еще ни одной девки, которая стояла бы столь дорого!

Генрих вдруг растопырил пальцы, словно только сейчас впервые увидел свою руку.

— Что с тобой! — встревожился второй, с удивлением глядя на товарища.

— Перстень! — прорычал Генрих, протягивая руку с растопыренными пальцами к своим товарищам. — Она сдернула у меня с пальца *наш* перстень.

Веселость словно ветром сдуло с обоих собеседников Генриха, а лица их стали мрачнее тучи.

— Мы должны отыскать ее, не поднимая лишнего шума, — хмуро произнес Генрих. — И я уверен, что мы сумеем эту проблему решить...

Наал понял, что настало время уходить, и, растворившись в тенях переулка, оставаясь незамеченным, прибавил шагу, надеясь нагнать девушку.

Элейн отлично ориентировалась в Ливинкроне и даже во тьме неосвещенных улиц безошибочно шла к своему

дому. С самого детства она жила на улицах этого города, воспитанная воров.

— Эх, Глоар, — вздохнула девушка, бредя по неосвященной улице. — Мне тебя не хватает.

— Ты что-то сказала про Глоара? — раздался впереди голос Наала, довольного тем, что смог не только догнать Элейн, но еще и остаться до последнего мгновения незамеченным ею.

Паренек оставил угол, за которым скрывался, и пошел рядом с девушкой.

— Ничего особенного, — ответила Элейн. — Я скучаю по нем.

— Он был самым лучшим главой гильдии, — согласился парень. — Жаль, что он умер. Он, наверное, хотел, чтобы ты заняла его место?

— Не говори глупостей. Никогда еще девушка не становилась главой гильдии. Анкланг хороший глава гильдии, хоть и несколько вспыльчив и сумасброден, — решительно возразила девушка, борясь с зевотой. — Спать охота — жуть как. Я с прошлой ночи не отдыхала и сейчас едва ноги волоку.

— Что же ты делала? — хитро усмехнулся Наал.

— Не твоего ума дело, — отрезала девушка. — И вообще — тебе разве не в другую сторону?

— Я к Норилу, сегодня у него заночую, так что нам по пути.

Они шли в Трущобы — старую часть города. Туда, где когда-то стояли дворцы и великолепные дома знати, а улицы были выложены каменными плитами, а не булыжниками или брусчаткой. Трущобы появились полсотни лет назад, в Год Смертного Грешника, когда внезапная атака варваров с Равнин Страха на Ливинкрон изменила город. Они пришли, чтобы грабить и убивать, и им удалось сделать и то и другое. Три города Дионии вынуждены были возрождаться из руин, и одним из этих городов был Ливинкрон. Помимо города, набег варваров изменил и его жителей. Страх вселился в сердца горожан.

Множество людей погибло. Целые кварталы оказались разрушенными, и власти приняли решение — вместо того чтобы восстановить то, что было разрушено, отстроить город вновь. Трущобы с тех пор облюбовали воры и нищие. Город

за каких-то десять лет вновь стал сияющим оплотом цивилизации на окраине одного из самых известных государств среди Срединных Королевств.

— Знаешь, — признался вдруг Наал. — Если бы я не знал, что ты делаешь, ни за что не подумал бы, что ты упала специально. Я даже испугался, что ты расшибешься. Лучше тебя никто не смог бы этого сделать.

— Пустяки, — отмахнулась девушка, но по мимолетной улыбке было заметно, что эта наивная похвала не оставила ее равнодушной. — Просто тебе еще надо многому научиться. А потом... не забывай, что девушке легче играть в такие игры. Тебе руки никто бы не протянул, и ты расшиб бы нос о мостовую.

— Все равно ты была великолепна, — улыбнулся Наал, отлично догадываясь, какова была бы реакция этих щеголей, если бы он так вот бросился к ним в объятия. — Да уж, мне бы точно не протянули руки. Скорее, пнули бы вдогонку.

Элейн усмехнулась в ответ, представив эту картину.

— Они, кстати, сильно расстроились насчет кольца, — сказал Наал, обратив внимание, что Элейн теревит своими тонкими пальцами золотое кольцо, так легко сдернутое с пальца богатенького сынка в тот самый момент, когда она всем телом повисла на его руках.

Чтобы не потерять перстень на бегу, девушка сразу надела его на свой палец, и теперь Наал невольно привлек к нему ее внимание.

— Пусть. У них кольцом больше, кольцом меньше... — отозвалась Элейн, зевнув. — Сильно расстроились, а завтра забыли.

— И много у него оказалось в кошеле? — поинтересовался паренек.

— Не знаю, — честно призналась Элейн. — Я никогда не считаю добычу сразу. Только когда прихожу домой. Вот окажусь у себя — там и посчитаю. Но чувствую, что в этот раз отложу для Анкланга приличную долю гильдии.

— Мне, кстати, этот Анкланг на самом деле не нравится, — шепотом сказал Наал, оглядываясь во тьму улицы, словно кто-нибудь его мог услышать. — Говорят, что он предложил всем членам гильдии срезать мочки ушей. Как же потом работать, когда все будут знать, что ты вор?!

— Ну да, это перебор, — согласилась Элейн. — У него бывает. Но в основном он вполне нормальный. Может, слишком много покурил черного лотоса?

Элейн говорила в голос, не опасаясь, что кто-нибудь из шпионов Анкланга передаст главе гильдии ее слова. Глоар еще в бытность воров, но не главой гильдии, взял Элейн под свою опеку, после того как ее родной отец погиб от руки бандитов на одной из пограничных дорог Дионии. И авторитет Элейн как дочери Глоара, ставшего впоследствии главой гильдии, а также отношение к ней старших воров позволяли девушке без опаски за свою жизнь критиковать нынешнего главу.

— А правда говорят, будто ты дочка рыцаря? — спросил неожиданно Наал после затянувшегося молчания.

— Врут! — резко ответила девушка.

— А мне Норил говорил, что ему сказал...

— Я же тебе сказала — врут! — холодно повторила Элейн.

Наал притих, оставив расспросы, и остаток пути они шли молча. Элейн помнила своего отца. Он действительно когда-то был рыцарем. Его небольшой замок находился вдали от шумного Ливинкрона. Она жила там со старшим братом. Но отец, хоть и любил своих детей, однако так и не смог оправиться от смерти супруги. И без того малое наследство стало таять как дым, когда отец начал топить свое горе в вине. После его смерти и вовсе все наделы и замок отобрали за долги.

— До завтра! — помахал Наал девушке рукой, и темнота ночных Трущоб мгновенно поглотила его.

Девушка не любила вспоминать свое прошлое: как ушел, чтобы больше не вернуться, их отец; разлуку со старшим братом, защищавшим ее до последнего, пока какие-то монахи не забрали его. Старый знакомый ее отца Глоар забрал Элейн в Ливинкрон и, воспитав как собственную дочь, научил всему, что умел сам. Иногда, размышляя о прошлом, Элейн удивлялась — что могло связывать рыцаря и вора? Но ответа на этот вопрос дать было уже некому.

Каменный покосившийся дом встретил свою хозяйку остывшими комнатами и темнотой. Элейн, не зажигая свечей, затопила камин, а после этого скинула сапоги и плащ. Быстро разгоревшееся пламя согрело небольшую комнату. В котелке закипела вода, и девушка заварила большую щепоть из сбора

трав, который привез друг Глоара из Алорна — королевства на северо-востоке.

Глотая густой и душистый отвар из трав далекой страны, Элейн мечтала, как однажды сама отправится путешествовать. Мысль о том, чтобы уйти из Ливинкрона, пришла ей в голову давно, но до недавнего времени она не стремилась воплотить свои мечты в реальность. В первую очередь Элейн не хотела оставлять Глоара. Но теперь, когда его не стало, она все чаще и чаще задумывалась о том, чтобы оставить этот город в своем прошлом и отправиться путешествовать по бескрайнему миру.

— Можно даже присоединиться к какому-нибудь отряду искателей приключений, — размышляла девушка вслух.

Отряды наемников, зарабатывающих тем, что охраняли торговые караваны или организовывали опасные походы за сокровищами, постоянно прибывали в Ливинкрон либо в поисках клиентов, либо сбывать добытое скупщикам. А она наверняка могла бы быть полезной в таком отряде — она не спасует и во владении оружием, и умение открыть любой замок в дальнем походе вполне может пригодиться.

В юной головке девушки рождались мечты об опасных приключениях и кладах. Размечтавшись, она представила себе, как встречает черных рыцарей и свирепых чудовищ. Глаза у Элейн постепенно закрывались. Отвар успокаивающе подействовал на девушку, и она заснула крепким сном.

Проснувшись Элейн, когда Око Увара уже перевалило за полдень. Пересчитав наконец монеты в украденном кошельке, девушка оделась и вышла на улицу. День, вопреки желаниям молодой воровки, оказался пасмурным и неприветливым. Око Увара скрывали тяжелые тучи. Казалось, что вот-вот начнется дождь. Дойдя до громоздящегося на самой окраине Трущоб полуразрушенного дома, больше похожего на дворец, девушка остановилась. Просто так пройти к Анклангу, главе воровской гильдии Ливинкрона, не мог никто. Даже приемная дочь ушедшего главы гильдии.

Девушка абсолютно точно знала, что сейчас за ней наблюдают, и потому спокойно стояла, дожидаясь. Наконец дверь заскрипела специально несмазанными петлями, и на крыльцо вышел горбатый одноглазый старик. Элейн давно знала

горбуна — еще с тех времен, когда ее приемный отец был главой гильдии и жил в этом доме.

— Здравствуй, Русто, — приветливо улыбнулась девушка, тербя в руках кольцо, стянутое с пальца ночной жертвы.

Русто Эрлип ей всегда нравился. Он был добрым стариком и к тому же являлся самым старым членом гильдии.

— Анкланг сейчас занят, — проговорил Русто и шепотом добавил: — У него в гостях какие-то знатные персоны. Если дело не срочное, зайди вечером.

— Хорошо, — пожала плечами девушка и, извлекая из складок платья небольшой джутовый мешочек, добавила: — Вот, передай ему. Это моя доля в казну гильдии.

— Это вроде мужское кольцо? — ухмыльнулся Русто, заметив на пальце девушки перстень.

— Теперь оно мое, — подмигнула старику девушка. — Могу продать, если хочешь.

Русто усмехнулся и отрицательно покачал головой:

— На что оно мне? Продай его лучше тем, кто переделывает приметные вещи в новые украшения. Вряд ли кто-то еще возьмет его у тебя. Мой тебе совет — избавься от него поскорее.

Повернувшись, Русто махнул рукой в знак прощания.

— Продам, — не стала возражать девушка. — Анклангу привет от меня.

Отдав гильдии положенную долю, Элейн отправилась в таверну «Сломанное Крыло». Там собирались только члены гильдии да наемники. Обычные посетители могли оказаться здесь лишь по воле случая, да и то если совсем уж не знали порядков в этих местах. Изредка какой-нибудь горожанин заходил в эту таверну, чтобы нанять головорезов для охраны или для того чтобы припугнуть, а то и убить кого-либо. Но воровская гильдия убийствами не занималась.

Пока служанка собирала для Элейн на стол, девушка принялась рассматривать добытый ночью перстень.

— И чем Русто перстень не приглянулся? — проворчала она, любуясь украшением.

И вдруг Элейн поняла, что напоминает ей причудливый герб на массивной золотой платформе. А узнав, торопливо сдернула кольцо со своего пальца, затравленно озираясь по сторонам. И как ее угораздило до этого не узнать изображе-

ния, которое любой горожанин видит каждый день, — герб магистрата города? Убедившись, что никто не обратил на нее внимания, девушка спрятала перстень в потайном кармашке и облегченно вздохнула — надо же было быть такой невнимательной. А еще хвасталась перед наивным Наалом, строя из себя опытную воровку.

Первоначальный испуг отпустил, и Элейн почувствовала, насколько же она голодна. Перекусив и выпив немного теплого вина, девушка вернулась домой еще до заката.

Неожиданно Элейн вновь вспомнила слова старика о золотом перстне, который умыкнула с пальца наглого щеголя прошлой ночью. Русто не прикасался к перстню и даже не видел его вблизи, но в его наметанном глазе никто и никогда не сомневался. Какое-то недоброе предчувствие вгрызлось в ее сердце. Выудив кольцо из потайного кармана, Элейн поднесла его к свету свечи. Тонкие пальцы девушки скользили по массивному перстню, ощупывая каждый завиток причудливого узора. Внезапно верхняя часть перстня, где был выгравирован герб Туккаров, откинулась в сторону, открывая новый смысл, напугавший Элейн до полусмерти.

— О Русто, ты не представляешь, насколько ты оказался прав, — простонала девушка, рассматривая символ Таллара — верховного бога Черного Трона, повелителя сил Мрака.

Элейн лихорадочно размышляла, что же теперь делать. Сама Армалия, богиня удачи, наверное, решила посмеяться над ней, втягивая в смертельно опасную игру, в которой у Элейн вряд ли был хоть один шанс выжить. Стянув этот перстень с руки, казалось, совершенно безобидного юноши, она собственноручно подписала себе смертный приговор. Мысли лихорадочно металась в ее голове. Никто не защитит ее — ни власть, ни друзья. Да и не хотела она тащить на погибель за собой своих друзей.

— Бежать! — в панике прошептала Элейн. — Бежать из Ливинкрона! И как можно быстрее!

Скинув платье, она быстро переделалась в удобную неприметную мужскую одежду, прицепила на пояс кинжал и начала торопливо собирать дорожную сумку, кидая в нее все, что попадалось под руку. Понимая, что сейчас просто теряет рассудок от страха, Элейн заставила себя остановиться и несколько раз глубоко вздохнуть. Голова постепенно прочисти-

лась. «Спокойно! Паника — самый верный способ умереть!» — постаралась она приободрить сама себя. Ей это почти удалось, но в этот миг в дверь громко и настойчиво постучали.

— Элейн, открой! — прозвучал из-за двери голос Наала.

— Наал? — удивленно переспросила Элейн, делая шаг к двери.

— Да, Эли, — отозвался парень едва слышно. — Это я. Открой, пожалуйста.

Что-то в голосе Наала насторожило девушку, но она медленно подошла к двери и заглянула в замочную скважину. В темноте за дверью совершенно ничего невозможно было разглядеть.

— Ну открой же, — взмолился Наал.

Элейн, чувствуя, что совершает непоправимую ошибку, медленно отодвинула засов и приоткрыла дверь.

— Помоги мне, — проскулил Наал, делая шаг вперед.

— Помоги ему, дорогуша! — прозвучал из-за спины Наала знакомый насмешливый голос, а в темноте улицы за дверью сверкнуло тонкое лезвие.

Горячая кровь брызнула Элейн в лицо, а голова Наала, глухо стукнув о доски пола, прокатилась куда-то под ноги Элейн. Одетый во все черное молодой человек, тот самый, с пальца которого сняла кольцо девушка, отпустил фонтанирующее кровью тело и, шагнув вперед, решительным толчком распахнул дверь.

Глава 4

ОТЧАЯНИЕ ПРАВЕДНОГО ГНЕВА

Карета подкатила к открытым настежь воротам Дарграда. Возле ворот никого не оказалось, и Далтон, не замедляя хода, проехал не останавливаясь.

Дарград раскинулся недалеко от границы, разделяющей королевство Дионии и королевство гномов Туманные Вершины. Жизнь в маленьком городке текла так же неторопливо и размеренно. Любое мало-мальское изменение в жизни дарградцев случалось настолько редко, что потом легко превращалось в какую-нибудь невероятную историю.

Но сейчас, проезжая по главной улице родного городка, Гефорг с удивлением замечал, насколько изменился город за время его отсутствия. Повсюду — над городской ратушей, над двумя храмами, над казармой городской стражи и даже над магазином старика Перга, торгующего различными магическими безделицами, — реяли штандарты Инквизиции.

Высшие жрецы церкви Денмиса, верховного бога Белого Трона, измученные противостоянием культам Черного Трона, сформировали Орден Инквизиции, надеясь получить несокрушимый и бескомпромиссный боевой инструмент. В Орден Инквизиции вошли жрецы, специально выученные и наделенные особыми полномочиями для борьбы с приверженцами сил Мрака и Пораженными.

Не только люди, но и орки с гоблинами, и гномы, а по слухам, даже мифические эльфы поклонялись богам Черного Трона. И поклоняясь, получали от своих нечестивых богов невероятную силу. И сила эта совершенно непостижимым образом воздействовала на приспешников богов Черного Трона. Каждый изменялся по-своему. Кто-то обретал необоримую мощь, кто-то обнаруживал в себе сверхъестественные способности. Но основная масса последователей сил Мрака подвергалась чудовищным мутациям зла: они частично утрачивали свой первоначальный облик, становясь Пораженными Мраком — уродливыми, исковерканными созданиями.

Пойманные Пораженные, фанатично преданные Таллару или другим богам Черного Трона, грезил о том дне, когда силы Мрака воцарятся на всем Эпаме и Зло поработит весь этот мир, воздавая своим слугам за верность.

Пять лет назад, когда Гефорг покидал Дарград, отправляясь на учебу, этот город выглядел совершенно иначе. словно даже разные города проносились за окнами кареты тогда и сейчас. В том городе, который покинул молодой Нарлинг всего пять лет назад, не было страха. Теперь же страх пропитал все насквозь, изменив не только внешность, но, казалось, и саму душу города. На дверях домов повсюду висели обереги и охранные молитвы Денмиса, Ламисии и других богов Белого Трона, призванные защитить в случае опасности.

Гефорг, вспоминая свое детство, смотрел на пустынные улицы родного города, которые с наступлением темноты буквально вымерли, словно по городу прошла чума.

Дом Гефорга располагался в пологой низине, на отшибе, далеко в стороне от остальных домов. Ровная, мощенная тщательно подобранным каменным брусом дорога безошибочно вела к просторному дому Нарлингов.

— Последний поворот! — крикнул Гефорг кучеру, вновь высовываясь из открытого окна кареты. — Всего один поворот — и мы увидим родной дом! Дом с красивой зеленой крышей.

Далтон кивнул, молча разделяя радость юноши, и цокнул лошадям, слегка натягивая повод. Карета замедлила ход, плавно огибая последний, заросший высоким декоративным кустарником поворот, и тут же взгляду открылся дом Нарлингов.

Дом пылал, словно сухая ель, разгоняя светом ревущего пламени вечерний сумрак. Огонь рвался ввысь, заходясь в приступе ярости и окрашивая аккуратно подстриженные кустарники и ухоженные деревья в мрачный багровый цвет. Гефорг едва не вывалился из кареты от нахлынувшего волной ужаса. Его родной дом горел! Горел так, как может гореть только дом, которого никто не тушит... Или который уже некому тушить!

Далтон стеганул коней, посылая упряжку в яростный галоп. Почти сразу путники услышали, а через несколько мгновений и увидели кипящий на площадке перед парадным подъездом пылающего дома бой. Среди сражающихся Гефорг безошибочно узнал отца и старого друга семьи Регнара — выходца из древнего рода гномов. Сейчас Регнар остервенело вращал над головой огромный боевой топор, заставляя окруживших их противников держаться на приличном расстоянии от мерцающего круга, очерченного широким лезвием. Вокруг убитыми или ранеными валялись уже несколько окровавленных солдат в форме городского гарнизона. Спинай к спине с гномом стоял его отец — Нарлинг-старший. Он почти не шевелился, лишь выставляя перед собой клинок меча. Было заметно, что у него совсем не осталось сил. Тем не менее сейчас оба они пытались отступить к пылающему дому, хотя спасение это принести вряд ли могло.

— Быстрее к ним! — закричал Гефорг, с трудом переборов шок. — Мы вытащим их на повороте! У нас быстрые кони, и на тракте нас никто не догонит!

Далтон, словно раньше, чем прозвучали слова молодого Нарлинга, услышав команду, уже всю нахлестывал коней. Карета, как выпущенный из пращи камень, рванула к пылающему дому. Могучие кони, несмотря на немалый проделанный ими сегодня путь, почувствовали настрой своих хозяев, а может, реагируя на ревущее пламя или запах крови, напряглись, превращаясь в пышущий мощью снаряд. А Далтон все кромсал уплотнившийся воздух кнутом, думая лишь об одном — не подвести ставшего практически другом Гефорга и вытащить из передраги Нарлинга-старшего, всегда бывшего хорошим хозяином.

— Приверженцы Таллара! — громыхал звучный голос руководящего стражей инквизитора. — Либо вы искупите грехи свои, сдавшись, либо смерть и вечные муки в Бездне Мрака ждут вас!

Ревущий, как разъяренный медведь, Регнар и отец Гефорга Вердис Нарлинг медленно отступали к пылающему дому. К ним, непрестанно озираясь на своих товарищей, подступали городские стражники, ведомые изрыгающим проклятия и обвинения инквизитором. Кое-кто из горожан пришел посмотреть на зрелище, и сейчас немало зевак стояло в стороне, молча наблюдая за происходящим. Большинство из них всю свою жизнь знали Нарлингов, являясь «старыми соседями». Да и семейного друга Нарлингов — гнома Регнара — видели не впервые. Однако теперь никто не осмеливался оспорить слова инквизитора. Кто-то просто боялся, кто-то даже получал от зрелища удовольствие. И тех и других объединяло понимание того, чем чревато сопротивление этим рьяным защитникам человечества от сил зла. Среди жителей Дарграда ходили и множилось жуткие слухи, один страшнее другого, о том, каким пыткам подвергают инквизиторы неверных. А долго ли любому из простых смертных по одному мановению инквизиторского перста превратиться из добропорядочного горожанина в прихвостня богов Черного Трона?

Пламя пожара ревело, словно дикий зверь, остервенело пожирая стены старого дома. Крыша уже начала проваливаться, и огонь взметнулся в темное небо с новой силой, освещая все вокруг зловещим заревом. Стражники окружили защищающихся мужчин со всех сторон, выставив вперед основное оружие городской стражи — узкие алебарды на

длинных древках. Вердис и Регнар, прижавшись спинами друг к другу, умудрялись отбивать эти неумелые атаки молодых, не имеющих настоящего боевого опыта воинов, руководимых инквизитором.

— Правь прямо на них! — закричал Гефорг кучеру, понимая, что, несмотря на очевидную воинскую слабость стражников, надеяться на то, что его отец и гном сумеют выпутаться из такой передраги, не приходилось.

Далтон направил экипаж прямо на темнеющие на фоне пламени силуэты солдат. За миг до того, как лошади втоптали бы их в грязь, кто-то закричал, предупреждая остальных, и стражники ринулись врассыпную, чудом успевая выскочить из-под самых морд могучих животных. Регнар, давно заметивший сумятицу среди солдат, обрадованно закричал, узнав карету сына Вердиса:

— Вердис-гин! — рявкнул он, толкая локтем своего старшего друга.

Нарлинг-старший обернулся в тот момент, когда из замедлившей свой бешеный бег кареты на ходу выпрыгнул его сын.

— Сдавайтесь, приверженцы сил Мрака! И зачтется вам покорность и кротость перед праведным гневом Денмиса! И тем самым обретете надежду на спасение и проводника из Долин Смерти в Царство Света! — кричал инквизитор.

— Не болтай, Кристалл! Ты пойдешь теми Долинами впереди меня! — ответил медвежьим ревом Регнар.

— Что вы стоите?! — возопил инквизитор, обращаясь к солдатам. — Возьмите их! Мне они нужны живыми!

Смятение большинства солдат было вполне понятно. Многие из них выросли вместе с молодым Нарлингом и отлично знали друг друга. Только малая часть состояла из пришлых людей, подавшихся в городскую стражу на заработки или еще по какой нужде. Поэтому медлили — просто сражаться против безликих монстров, предавшихся Мраку, но совсем непросто поверить незнакомцу, пусть даже в немалом церковном чине, и по его приказу идти убивать людей, рядом с которыми прожил большую часть жизни.

Да и отсутствие боевого опыта сказывалось весьма серьезно. Одно дело разгонять зевак, наводя порядок на городской площади или гоняясь по рынку за малолетним воришкой.

Другое — когда в руках противников настоящее оружие, и руки эти не дрожат и знают, как с этим оружием обращаться.

Гефорг, выпрыгнув из кареты, едва только скорость стала снижаться, пробежав несколько шагов и не потеряв равновесия, выдернул из ножен свой меч. Он совсем не горел желанием сражаться, и даже более того — боялся настоящего боя, наверное, так же, как и молодые стражники. Но страх за отца и вид пылающего дома придали ему недостающей решимости. А может, даже и сам страх заставил взяться за меч, подобно тому как загнанное и напуганное животное пытается отбиться от хищника, хоть и не отличается при этом ни яростью, ни отвагой.

Стражники, разогнанные упряжкой крепких коней, вновь собирались в некое подобие строя. Молодой Нарлинг взглянул на гнома — Регнар все так же вращал огромным топором над головой, медленно отступая к карете.

Со стороны ближайшей городской улицы показалась группа стражников с луками в руках. Это мгновенно внесло дисбаланс в расклад сил и очень осложнило положение защищающейся стороны. Дело явно принимало дурной оборот.

— Схватить непокорных слуг Зла! — вскричал инквизитор, заходясь в яростном крике от праведной ненависти.

Лучники приняли этот крик за команду и не заставили повторять дважды — в воздухе замелькали росчерки стрел. Вердис Нарлинг негромко вскрикнул от боли — одна из стрел, выпущенная со столь близкого расстояния, вошла между звеньями его кольчуги.

— Не стрелять! — крикнул инквизитор. — Взять их живыми!

— Отец! — закричал испуганно Гефорг, увидев, как ранили его родителя.

Гном успел только обернуться к другу, когда Нарлинг-старший тяжело осел на землю. Вердис пытался рукой зажать рану с торчащей из нее стрелой, но кольчуга не позволяла этого сделать, и темное пятно крови стремительно расплзлось по надетой поверх кольчуги просторной рубахе. Вместе с кровью вытекали из его тела силы, и хоть другая рука все еще крепко сжимала рукоять меча, но по вмиг побелевшему лицу и потухшему взору было заметно, что Нарлинг-старший вскоре уйдет в Долины Смерти.